

ПОКЛОН ПРОСЁЛКУ

Чумазая, то бархатисто-пыльная, то натружено-мозолистая хуторская дорога вырывается, наконец, на волю – за Митрохину околицу. За корявый, в серебристо-плешивых рюшинах тёрень, за трухлявый, отдающий гречишной мякиной, расхристаный недавними вешними ветродуями стог.

Выбегает дорожка и сразу же, будто баба хуторская, собравшаяся погостить денёк-другой в райцентре у сына, причепуривается. А как же! Ни куда-нибудь – в Сенькину балку или в дальние покосы, а к большаку спешит.

Нырять с горушки в низину и - напрямик к Жёлтому. Окунётся спозаранку, умоется. Водичка взбодрит путницу - ключики недалечь, а солнышко только проклюнулось - не прогрелся ручей, студёный. Поплещется и по камушкам, по голышам-валунчикам, по скрипучей, прогибающейся до самой воды, обросшей склизкими тинами тесинке, - на тот бережок. Заскользит, зашуршит в полусонных тростниках нарядной малахитовой ящеркой. Без особого труда вскарабкается по крутому песчаному склону на Стешкин бугор.

Передохнёт на крутояре, полюбуется зорькой, что пролилась малиновым цветом за Сидоровым садом. Опять эта Сидориха варенье спозаранку стряпала да не доглядела. Убежали пенки розовыми туманами за порог, растеклись по пойме, клубят-кипят, над продрогшей за ночь Кромой.

Опомнится просёлок – даль-то ещё не малая! Задержался! И заскользит, обивая росу с барашковых тысячелистников по-над Плоцким логом, по самому краешку ячменного поля. Иногда, если просёлок заступает, ячень, словно ворчливый старик, которому отдавили застарелую мозоль, водит недовольно усами, волнуется и, шурша-пыхтя, выталкивает непрошенного гостя восвояси.

А ему, просёлку-то, нипочём! Да на бровке не хуже! Кузнечики хрусткими ножницами утро кроют – любо-дорого! Цикорий голубыми мотыльками мельтешит. Вон русачок наперерез мотнулся, видать, к Савину логу в овсы торопится.

Перекинувшись через Закамни, дорожка вбегает в подсолнечник. Никак его не обойти - конца и края не видать. Пробирается просёлок в зарослях чуть ли не двухметровых и чует, что дурманеет от духа терпкого, от жужжания пчелиного монотонного. Петляет, будто облудился. Знать, Лешак кружит-насмехается. Может, и впрямь здесь чертовщинка водится? Петруха навеселе с Казанской из соседней деревни шёл, двое суток выйти не мог. Бабка Михеевна с плетушкой боровиков из Копытец плелась, истоптала лощинку эту замороженную вдоль и поперёк, полдня плутала.

Не успевает притомиться дорожка, а тут и просвет в пяти шагах. Слава Богу! Не дал бесовщине покуражиться. Отпустил Блуд-нехристь с миром. Испокон веку места эти шалят. Бегом-бегом от них подальше! И припускает, что было духу!

Обежав стороной сгоревший омшанник, останавливается проселушка у родничка напиться, передохнуть. Оглядывается: кипрейник-погорелец склоняет вдогонку свои лиловые султанчики, словно хочет рвануть следом,

посмотреть, куда это просёлок разбежался, не остановить. Что там есть такого, чего у нас не может быть? Что за Мишкиной горой, за Ярочкиным логом, в непроглядных от хутора краях, к которым год за годом бежит, не догнать, эта непоседливая полевая дорога? Даже облака за просёлком не отстают, то забегут вперёд, то чуть замешкаются, а всё-таки рядышком.

Стелется половиком домотканым просёлочек, будто нарвала бабушка Анисья лоскутов-тесёмок и на стане, доставшемся ещё от матушки, наткала постилок. Вот они и разлеглись по луговинам да пригоркам. Ситцевый лоскуток - от внучковой рубашонки - жёлтыми да зелёными кружочками, - одуванчики придорожные. Штапельный лоскутик - пёстрый да весёлый - от платья, что Аксиньюшка в покосы по молодости наряжалась. На нём и васильки, и лютики, и купавки с лесными гвоздиками.

Из Савина лога выскакивает чуть приметная стёжка, привязывается, припутывается к просёлку росстанью-петелькой. И - по следу, по следу за ним поспешает.

Пока просёлок до большака добегает, сколько тропок-тропиночек за собой сманивает. Нацепляет их несчитано, будто репёв, Митрохина Найда, гоняясь по подгорью за сусликами.

Аистам, слетающим с гнезда в Гнилое болото за лягушками, видно, как по полям, долинам и холмам стекаются стёжки-тропы к просёлку, будто к реке ручейки да малые речушки. Впитывает он мелюзгу и - вперёд, к большаку, к полноводной артерии, к главной районной дороге.

Перелесками да косогорами катит просёлок без оглядки, а как слышит на большаке хрипы стальных коней да учует зловонный бензинный дух, сбавит шаг, остепенится-заважничает. Мол и мы, не гляди, что из простецких, не лыком шиты, хоть и по сю пору лаптем грязь хлебаем. Знает счёт таким, как он. Сколько их, безвестных, шмыгает по земле нашей босыми ногами, кирзовыми да резиновыми сапожищами.

Порой не приметна проселушка вовсе. По ней, может, всего-ничего и проехали-то за год. А всё-таки дорога!

Затеряет её, родимую, лихими метелями, не пройти, не проехать. Но остепенится непогодь, закалянеет наст, глядь, уж и следок санный обозначился. Не сбился, аккурат по занесённому просёлку. Прокатит мужичок разок-другой, притрухнёт сенцом-соломою, яблоками конскими разукрасит, и вот она, снова выказалась наша русская деревенская путь-дороженька.

Укатается за зиму, по весне уж и снега сойдут, а уезженный след всё тянется белесыми пеньковыми вожжами через месиво полей, через оползающие от размашистых вешних дождей косогоры. Размоют апрельские проливни полёвку вдоль и поперёк, оголят пески и суглинки - нет хода.

Но к Пасхе, глядишь, потихоньку, помаленьку зарастёт она муравой, дикой геранькой да лопушками подорожника. Обочь её пробьются-рассинеются невыводимые в наших краях чертополошины, разбутонятся пурпурные татарницы.

Знойным летним полднем прокатит по просёлку на велике, рассечёт парное марево, Миколавнин внучок Гошка, сосланный на каникулы под

пригляд престарелой бабки. Подхлестнёт-прогонит дед Кит из Хильмечков блудную телушку Майку. Прошмыгнут бабы с кошелками куманики, обшелкают проселушку конопляной шелухой. Проспешит Илья на косовицу. Вот и весь летний распорядок дорожки.

Ближе к осени, правда, наедут городские за опятами-рыжиками. Пофырчат-почадят «Жигулями», обегают перелески, накидают на привале бутылок-банок, и опять - ни души, только гуляй-ветер да мелкий нескончаемый ситничек.

Люба душе русской эта простенькая полевая дорожка. Нет лучше места для думок. Потоскуешь с отлётными птицами, промелькнёт месяц-другой, а там и опять смотри-радуйся: дичка приобоченная в цвету, васильки подмигивают задорными глазами, мол, не робей, сколько вёрст пройдено! Дай Бог, чтоб осталось побольше!

Приумолкли бы шоссейки-бетонки, исчезни незатейливые, неказистые, но такие живучие российские просёлки. Тянется испокон веку к большаку по горячей летней пыли, по вешней распутице, по осенним хлябям-рытвинам, по первопутку, по нескончаемым ухабам продукт деревенский: и сальцо, и хлебушек, и фрукт-овощ всевозможный.

Сколько нашенских вышло просёлками, по бездорожью, на широкие жизненные пути в науку, в искусство, да и в рабочую братию. Жаль только, несравненно меньше свернуло на полевую дорожку с большака. Заманили, увлекли в невозвратные дали бетонные трассы тех, кто однажды ступил на их жёсткое, бессердечное покрытие. Не вернули, затеряли, и след простыл. Вывел просёлок на большую дорогу - ну и ладно, рванули, не обернулись.

Просёлок—то, он - родимый. Он забвение простит, как отец чаду своему. Он ведь помнит, как учил за ручку ходить, бережёт на обочинах памяти следы наших босых ног, не забыл и прощальный день. Простит... только бы пути наши были праведные.